

МЕТАМОРФОЗЫ ПОСЛОВНОГО ПЕРЕВОДА В XVIII ВЕКЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СЛАВЯНО-КНИЖНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ СТАНДАРТ

© Наталия Николаева

METAMORPHOSES OF WORD-BY-WORD TRANSLATION IN THE 18th CENTURY AND THEIR INFLUENCE ON THE SLAVIC STANDARD LANGUAGE

Nataliya Nikolaeva

In the 18th century, the fate of the Russian literary language in general and Church Slavonic in particular was decided. The Church Slavonic language continued to exist in the form of a conservative standard, simultaneously developing stylistic differentiations within itself. However, its fate was ultimately decided in line with general linguistic processes, as a result of which Church Slavonic remained only in the liturgical sphere. The high genres of literature began to move to the “Slavonic” language, whose lexical fund and word-formation possibilities represented the Church Slavonic heritage, while the grammatical structure was Russian. These changes are especially clearly traced on translated spiritual literature: it raises another important problem – the relationship with the Greek language, which was rightfully considered the prototype of Church Slavonic, and this understanding formed the basis of the doctrine of word-by-word translation in Slavia Orthodoxa.

The article presents the results of observation conducted on three translations of the same text made in the second half of the 18th century – the treatise of Dionysius the Areopagite “De coelesti hierarchia”. These translations demonstrate all three main tendencies in the functioning of the Church Slavonic language: the desire to preserve it (translation by Paisiy Velichkovsky), russification of grammar while preserving traditional vocabulary (translation by Moses Gumilevsky), and destruction of connections with Greek (anonymous translation). In our opinion, the latter tendency contributed to the formation of a new language of spiritual literature, in which the Church Slavonic element performed the function of a style sign.

Keywords: Church Slavonic language, language standard, word-by-word translation, Russian literary language, Areopagitica.

В XVIII веке решалась судьба русского литературного языка в целом, и церковнославянского языка в частности. Церковнославянский язык продолжал существовать в форме консервативного стандарта и одновременно начинал развивать внутри себя стилистическую дифференциацию, но его судьба решалась в итоге в русле общезыковых процессов, в результате которых традиционный церковнославянский остался только в богослужебной сфере. Высокие жанры книжности постепенно стали переходить на «славенороссийский» язык, лексический фонд и словообразовательные возможности которого представляли наследие церковнославянского языка, а грамматический строй был русским. Эти изменения особенно четко прослеживаются на материале переводной духовной литературы: здесь возникает еще одна важная для статуса церковнославянского языка проблема – взаимоотношение с греческим языком, который по праву считался прообразом церковнославянского, и такое понимание легло в основу переводческой доктрины пословного перевода в Slavia Orthodoxa.

В статье представлены результаты наблюдения с этой точки зрения над тремя переводами одного и того же текста, выполненными во второй половине XVIII века, – трактата Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии». Эти переводы демонстрируют все три основные тенденции в функционировании церковнославянского языка: стремление к его консервации (перевод Паисия Величковского), русификация грамматики при сохранении традиционной лексики (перевод Моисея Гумилевского), разрушение связи с греческим языком (анонимный перевод). По нашему мнению, последняя тенденция (утрата генетической связи) способствовала формированию нового языка духовной литературы, где церковнославянский элемент выполнял функцию приметы стиля.

Ключевые слова: церковнославянский язык, языковой стандарт, пословный перевод, русский литературный язык, Ареопagitика.

Статья написана на материале Ареопагитик, а именно трактата «О небесной иерархии», в переводах XVIII века. Выбор трактата из всего большого корпуса обусловлен тем, что именно он чаще всего переводился в этот период, так что мы располагаем тремя версиями, и все они относятся ко второй половине XVIII века: рукописный перевод Паисия Величковского, анонимный рукописный перевод и печатное издание перевода Моисея Гумилевского.

Упоминание славяно-книжного языкового стандарта в названии темы требует ряда пояснений, поскольку в отношении языковой ситуации XVIII века говорить о каком-либо устоявшемся стандарте трудно. Еще Н. И. Толстой отмечал существование в тот период достаточно заметного языкового различия даже внутри одной жанровой сферы (на примере конфессиональной литературы – сравнивая богослужебные тексты и катехизис) [Толстой, с. 69]. Тем не менее славяно-книжный языковой стандарт сформировался и существовал в предшествующие эпохи в отношении определенного круга текстов – Толстой представил это наглядно в пирамиде жанров сербской письменности [Там же, с. 168], и эта схема, на наш взгляд, удачнее всего иллюстрирует языковую ситуацию славянского Средневековья. В нашем случае речь идет об одной из верхних страт этой пирамиды.

Как стандарт такой церковнославянский язык стал особенно ощущаться в XVIII веке, когда языковая ситуация в сфере церковной книжности была наиболее непредсказуемой. Итак, с одной стороны, славяно-книжный стандарт – это традиционный церковнославянский язык. С другой – этот стандарт в означенную эпоху должен был неизбежно обновиться. И вот этот процесс становления обновленного стандарта мы наблюдаем при сравнении трех разных переводов одного и того же текста, выполненных, можно сказать, в одно и то же время, причем про два из них известно, что их авторами были ученые монахи.

Другой вопрос, отразившийся в названии, касается переводческого метода. Здесь тоже необходимо внести пояснение. Пословный метод – это не один из нескольких, а единственный, по утверждению Дм. Буланина, релевантный для всей средневековой книжности: «Слово стало основной единицей перевода, потому что переводческая доктрина средневековья требовала передачи оригинала в его двуединстве – совокупность содержания и формы... Иконическая природа слова была аксиоматичной для культуры

средневековья, которое рассматривало его как образ вещи. Этот образ, естественно, мог быть еще раз отображен, чем и обусловлена возможность перевода. Однако перевод, стремящийся не исказить внеязыковые реальности, обязан воспроизводить каждое слово оригинала в единстве его обозначающего и обозначаемого. В этом и состоит теория пословного перевода» [Буланин, с. 27].

В основу доктрины пословного перевода легла неоплатоническая теория образа, изложенная в христианском свете Дионисием Ареопагитом и взятая на вооружение уже первыми переводчиками на древнеславянский язык. В каждом отдельном случае, для каждой переводческой школы было важно, что принималось за образ в самом слове оригинального текста: какое соотношение значения слова и его внутренней формы, что в конкретный период и для конкретной школы было важнее. Это обуславливало в итоге технику перевода.

В XVII веке в теории эти постулаты сохранялись. Симеон Полоцкий в «Жезле правления» писал: «Сказатель же или преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум, и речения преводит неложно, ничесо же оставляя. Греческая святая писания суть нам славяном прототипон, еже есть первообразное, от их же вся книги наша преводим, ничесо же прилагающе или отъемлюще, да совершенне им уподобимся» (цит. по: [Буланин, с. 31]). То есть идеальными тут представляются отношения между греческим текстом Писания и его славянскими переводами. Таким образом, стандартом мыслится классический церковнославянский. Во всяком случае, в сфере конфессиональной литературы такой ориентир был актуален и в XVIII веке, поэтому мы тоже будем говорить именно о пословном переводе.

Что свойственно классическому церковнославянскому? Александр Исаченко сформулировал образно: «Man kann ohne Übertreibung sagen, daß das Kirchenslavische ein in altbulgarische Morpheme travestiertes Griechisch darstellt» ('Можно без преувеличения сказать, что церковнославянский представляет собой переодетый в древнеболгарские морфемы греческий язык' (перевод наш – Н. Н.)) [Issatschenko, с. 22]. Это положение стало за прошедшие полстолетия аксиомой. Но важно подчеркнуть, что в отношении переводной конфессиональной литературы именно такой церковнославянский, за которым брезжит греческий прообраз, просвечивает

сквозь его формы и уточняет славянские значения, а в конечном итоге – подражает ему, и стал своего рода стандартом в многовековой традиции его употребления.

Из исследуемых переводов этому стандарту соответствует прежде всего перевод Паисия Величковского. Вот один пример последовательно-го пословного перевода. Ср.:

Διὸ καὶ τὴν ὁσιωτάτην ἡμῶν ἱεραρχίαν, ἣ τελετάρχης ἱεροθεσία, τῆς τῶν οὐρανίων ἱεραρχιῶν ὑπερκοσμίου μιμήσεως ἀξιώσασα, καὶ τὰς εἰρημένους αὐλοὺς ἱεραρχίας ὑλαίοις σχήμασι καὶ μορφωτικαῖς συνθέσεσι διαποικίλασα, παραδέδωκεν, ὅπως ἀναλόγως ἡμῖν αὐτοῖς, ἀπὸ τῶν ἱερωτάτων πλάσεων, ἐπὶ τὰς ἀπλᾶς καὶ ἀτυπώτους ἀναχθῶμεν ἀναγωγὰς καὶ ἀφομοιώσεις [Sancti Dionysii Areopagitae, col. 121]

Тѣмже и Прп(д)бнѣйшее наше Сѣѣнноначаліе тайносовершеніиначалное Сѣѣнноустановленіе, міропревышиагw Нб(с)ныхъ Сѣѣнноначалій подражаніа сподоблю, и Реченнаа невестественнаа Сѣѣнноначаліа, вестественными образы и вображательными сложеніи оуразличествовавши, предадо естъ, да сохмѣрнѣ намъ самѣмъ, ѿ Сѣѣннѣйшихъ вображеній, на прѣстолѣ и невообразнаа возведемъсѣа возвожденіа и оуподобленіа [Иже во святыхъ Дионисія Ареопагита, л. 2].

В этом отрывке даже перфектная форма глагола (*предало есть*) не является новаторством переводчика, а точно соответствует греческому перфекту *παραδέδωκεν*. Конечно, если присмотреться к тексту, можно увидеть некоторые интересные приемы. Так, наряду с традиционными словосложениями-кальками, здесь присутствует необычное слово *тайносовершеніиначалное*, которое соответствует греческому *τελετάρχης*. С одной стороны, такого рода сращения не единичны в тексте перевода Паисия, с другой – так он часто передает сложную в семантическом плане для подбора однословного соответствия греческую основу *τελετ-* [Николаева, с. 113], которая включает в себя значение совершения и завершения и употребляется в Ареопагитиках в основном в мистическом контексте. В композите *міропревышиагw* в сравнении с греческим *ὑπερκοσμίου* происходит метатеза основ. Обращает на себя внимание также тот факт, что многообразие воплощения идеи образа в греческом языке передается в славянском через ряд однокорневых слов: в греческом *σχήμασι*, *μορφωτικαῖς*, *πλάσεων* *ἀτυπώτους*, в славянском – образы, вображательными, вображений, невообразнаа соответственно. Такое положение вещей восходит, однако, к традиции славянских Ареопагитик: первый перевод

так же предпочитает всевозможные образования с этим корнем, хотя предлагает и ряд других вариантов перевода [Там же, с. 22]. То же самое мы наблюдаем и в других фрагментах текста, на пример:

Зане яkw оубw влѣпотѣ предположени сѣтъ Безвообразныхъ вображеніа (τῶν ἀτυπώτων οἱ τύποι), и образи Безобразныхъ (τὰ σχήματα τῶν ἀσχηματίστων), не точію виновнѣ рекль бы кто быти сохмѣрность нашу невозмогающѣ непосредственнѣ на мысленнаа возводитисѣа видѣніа, и требующѣ свойственныхъ и соестественныхъ возвождений, яже достижнаа намъ вображеніа предлагають безвообразныхъ и превышеестественныхъ позорwвъ: но яkw и сіе Таинственнымъ Слове-самъ, лѣпотственнѣйшо естъ, еже тайными и Сѣѣнными гаданми, сокрывати, и неприступнѣ мнwзѣмъ творити, (τὸ δι' ἀπορρήτων καὶ ἱερῶν αἰνυμάτων ἀποκρύπτεσθαι, καὶ ἄβαντον τοῖς πολλοῖς τιθέναι) Сѣѣннѣю и тайнѣю Міропревышшихъ Оумwвъ истинѣ» [Иже во святыхъ Дионисія Ареопагита, л. 4об.].

Как мы видим, в переводе Паисия сохраняется такая традиционная форма, как субстантивированный инфинитив – неопределенная форма глагола в сопровождении кальки греческого члена, не имеющего никакого значения для славянского языка, кроме отсылки к первообразу.

Другие черты традиционного церковнославянского в его переводе можно отметить и вне сравнения с греческим: членные формы причастия типа *ѣлѣй*, старые падежные формы множественного числа (например, творительного: *образы, чины*) и т. д.

Пословный перевод не подразумевает непрямого буквализма. Главное, как мы уже отметили, что для переводчика будет идеальным образом оригинала. В данном случае таким образом является, несомненно, славяно-книжный стандарт, выработанный традицией. Эта традиция тоже не отличалась буквализмом, например, всегда позволяла сложные слова передавать простыми и наоборот (что мы можем наблюдать даже в самых формально точных переводах), так что подобного вида соответствия, как мы увидим в следующем фрагменте текста Величковского, являются ее продолжением (где *Свѣтонаставника* соответствует греческому двусловному причастию *τοῦ φωταγωγοῦντος*, а словосложение *Тайноучителя* – простому причастию от глагола *μυέω* – ‘посвящать в таинства, учить’): *овыхъ оубw Міропревышиагw вѣдѣніа негвѣдѣхомъ, и паче w нихъ мы инагw Свѣтонаставника, и Тайноучителя требуемъ* (*ἐτέρου τοῦ φωταγωγοῦντος, τοῦ μυοῦντος*)

δεόμεθα) [Иже во святых Дионисия Ареопагита, л. 44об.].

В целом, все эти особенности не разрушают общего принципа пословности и формируют ту самую картину стандартного церковнославянского, о которой мы говорили.

Перевод другого церковного деятеля той эпохи, Моисея Гумилевского, также представляет собой пример пословного перевода, но при всей нагруженности традиционными словосложениями и общим соответствием греческому оригиналу труд Гумилевского воспринимается как духовный язык нового типа. Прежде всего это достигается за счет русского синтаксиса.

Приведенный выше фрагмент из первой главы трактата [Sancti Dionysii Areopagitae, col. 121] Гумилевский перевел следующим образом:

Для сего верховное оно Священночиніе удостоивъ святѣйшее наше Священноначальствіе, быть подобнымъ примѣрнымъ небеснымъ Священноначальствіямъ, оныя невещественныя Священноначальствія вещественными знаками и образовательными сложеніями различно представляло, чтобы мы, по сразмѣрности своей съ ними, отъ священнѣйшихъ сихъ образовъ къ простымъ и неизобразительнымъ возведеніямъ и подобіямъ возносились [Святого Дионисия Ареопагита..., с. 10].

Лексическое наполнение этого перевода (учитывая словообразовательную вариативность) практически совпадает с переложением Паисия Величковского, но синтаксическое построение и сжатость изложения у Гумилевского переводит его текст из традиционного церковнославянского регистра как минимум в смешанный, или «славенороссийский».

То же самое можно сказать и о построении второго из приведенных выше отрывков: синтаксис становится русским, исчезает субстантивированный инфинитив, который был в данном случае чистой калькой с греческого, отдается предпочтение падежным формам множественного числа на -амъ, -ами, -ахъ: *Ибо что праведно существа безъ изобразительныя образами, и не начертаемыя начертаніями представлены, тому виною предложить можно не только нашу слабость, не могущую непосредственно воспротрестися къ духовнымъ умозрѣніямъ и требующую приличныхъ и соестественныхъ себѣ возвожденій, которыя бы, чрезъ вмѣстительныя намъ изображенія, восперяли насъ къ неизобразительнымъ и преестественнымъ созерцаніямъ; но что и таинственнымъ словесамъ весьма пристойно неизглаголаннныи и священными завѣсами закрывати, и неприступною для простыхъ творити священную и таин-*

ственную премірныхъ умовъ истинну [Святого Дионисия Ареопагита, с. 16–17].

Нужно отметить, что субстантивированный инфинитив не полностью уходит из перевода Гумилевского, но применяется в нем исключительно в терминологической функции, ср.: *Что еще Оно есть начало и вина сущетворная всяческихъ, и неразрушимаго сущетствъ пребыванія твердѣ, отъ коего еже быти, и еже благо быти* (καὶ τὸ εἶναι, καὶ τὸ εἶναι εἶναι), *самымъ верховнымъ силамъ дадеся* [Там же, с. 84].

Так же и членное церковнославянское причастие в именительном падеже: в авторском тексте исчезает, но сохраняется в библейских цитатах: *сходяй отъ Отца свѣтовъ* [Там же, с. 8].

В переводе Гумилевского обнаруживаются и яркие русские черты, например, адъективные формы мужского рода на -ой: *Первой [способ] происходитъ, сколько можно, чрезъ сходственные съ священными вещами изображенія...* [Там же, с. 17]; *Каждой убо Священноначальническаго учрежденія чинъ по своей вмѣстительности возводится къ божественному содѣйствію...* [Там же, с. 31].

Таким образом, возникает некая языковая формация, которую можно назвать по традиции гибридным церковнославянским, но гибридность эта неотделима от процесса самоидентификации церковнославянского языка в то время и привязана к жанру: духовная литература не так легко расставалась со «славенским» или «славенским диалектом», как его тогда называли, – труднее, чем другие книжные типы текста. Основной чертой «славенского диалекта» современники видели особый лексический фонд: так и у Гумилевского лексическое наполнение остается славянским, а грамматическая реализация – уже русская. В сущности, принцип пословного перевода и у него остается в действии, но результат уже иной, так как формируются иные представления о стандарте языка духовной литературы. Кстати, эти стандарты сохраняются и до нашего времени, формируя конфессионально обусловленный идиостиль, оформляющий подобного рода тексты.

Два перевода, которые мы рассмотрели, показывают нам две потенции развития языка духовной литературы, одна из которых была реализована, а другая осталась фактом языковой истории. Но есть еще и третий перевод, который вносит некий хаос в эту почти идеальную картину реализации потенциального двуязычия (церковнославянский – для богослужения, славянизированный русский – для высокого книжного стандарта), демонстрируя разрушение пословности как ведущего метода, доказывая, что процесс

становления стандарта был многомернее и драматичнее, чем могло показаться, если бы мы ограничились только первыми двумя текстами.

Вот, например, уже знакомый нам отрывок из первой главы трактата в обсуждаемом анонимном переводе: *Тем же первое оное сщценныхъ таинъ уставление сѣтъйише сщценноначалие наше бжественнаго нбсныхъ сщценноначалій подражания суждыши быти достойнъ, сщценноначалия еже всячески невестественна реку быти тѣлесными изображеніи и различными образы разделиши предаде, да сщценными оными изображеніи, к простыхъ и безобразныхъ оныхъ вещей житию и подобию по силе нашей возвышаемся* [Книга Блаженного Дионисия Ареопита, л. 10б.]

Мы наблюдаем в нем следующее интересное явление: почти все лексические единицы греческого текста находят перевод в славянском, но редко когда без каких-либо модификаций (типа τῆς τῶν οὐρανίων ἱεραρχίῶν ὑπερκосμίῳ μίμησιν – *нбсныхъ сщценноначалій подражания*). Тут встречаются либо синтагменные и основны метатезы (*Тем же первое оное сщценныхъ таинъ уставление сѣтъйише сщценноначалие наше...* – Διὸ καὶ τὴν ὁσιωτάτην ἡμῶν ἱεραρχίαν, ἣ τελετάρχης ἱεροθεσία), либо избыточная экспликация внутренней формы греческого слова (ἄξιωσασα – *суждыши быти достойнъ*), грамматически неверный и оттого лишенный смысла перевод (εἰρημένας ‘вышеназванные’ – *реку быти*), смысловой, но не буквальный перевод (ὑπερκосμίῳ – *бжественнаго*, μορφωτικαῖς συνθέσεσι – *различными образы*, ὅπως ἀναλόγως ἡμῖν αὐτοῖς – *по силе нашей*), который иногда сочетается с расширением текста, уже не зависящим от греческого оригинала (*к простыхъ и безобразныхъ оныхъ вещей житию и подобию* – ἐπὶ τὰς ἀπλᾶς καὶ ἀτυπώτους ἀναγωγὰς καὶ ἀφομοιώσεις).

Если последовательно применять теорию образа в отношении перевода, то этот эксперимент представляет собой мутное стекло (по известному выражению апостола Павла), через которое только угадываются черты греческого текста и которое затуманивает общий смысл. Нарушается единство обозначаемого и обозначающего при передаче оригинала, то есть сама суть пословного метода. Если переводчик и стремился передать какой-то образ оригинала, то в его восприятии греческий трактат был нацелен на сокрытие священного, что он и воплощал разными способами в своем переводе (если не предположить, что он порой действительно не понимал смысл переводимого). Создается впечатление, будто он ставил перед собой задачу уместить в своем тек-

сте все соответствия греческим словам, но соответствиями они были весьма условно и расположены в тексте независимо от оригинала.

Тем самым разрушались связи греческого и церковнославянского, который был «греческим, переодетым в славянские одежды». Утрата этой связи была исторически неизбежна, однако, пока сохранялся славяно-книжный стандарт, он был ориентиром и для переводной, и для оригинальной книжности конфессиональной сферы. Но в XVIII веке, когда в языковой ситуации наметились тектонические сдвиги, роль греческого как языка-образца нивелировалась, так что, оказавшись без этой идеологической поддержки, церковнославянский в итоге остался только в той сфере, где вольности перевода не могли приветствоваться (язык богослужения), в остальном преобразаясь в несущую конструкцию высокого стиля. На примере разных переводов одного и того же текста, произведенных примерно в одно и то же время, этот процесс представлен во всех своих нюансах.

Статья написана в рамках совместного проекта с Институтом славистики университета Галле-Виттенберг, поддержанного фондом Александра фон Гумбольдта: «Говорить с Богом и о Боге: язык христианской мистики 18-го века: между церковнославянским и русским».

Список литературы

- Буланин Д. М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т.1. Проза. СПб.: Дм.Буланин, 1995. С. 17–73.
- Иже во святых Дионисия Ареопита о Небесном Священноначалии. ГИМ, Симон. собр. № 5. 45 л.
- Книга Блаженного Дионисия Ареопита к Тимофею Епископу о Небесном Священноначалии. РГБ, Музейное собр. (ф. 178) № 1345. 25 л.
- Николаева Н. Г. Славянские Ареопагитики: Лингвистическое исследование. Казань: Казан. гос. ун-т, 2007. 184 с.
- Святого Дионисия Ареопита о Небесной Иерархии, или Священноначалии. М., 6 / и, 1786. 107 с.
- Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Issatschenko A. Mythen und Tatsachen über die Entstehung der Russischen Literatursprache // Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse Sitzungsberichte, 298. Band, 5. Abhandlung; Veröffentlichungen der Kommission für Linguistik und Kommunikationsforschung, Heft 3. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. 52 S.
- Sancti Dionysii Areopagitae De Coelesti Hierarchia // Patrologia Graeca. T. III. Paris, 1857. Col. 119–370.

References

Bulanin, D. M. (1995). *Drevniaia Rus'* [Ancient Russia]. *Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Drevniaia Rus'. XVIII vek. T. 1. Proza*. Pp. 17–73. St-Petersburg, Dm. Bulanin. (In Russian)

Issatschenko, A. (1975). *Mythen und Tatsachen über die Entstehung der Russischen Literatursprache*. [Myths and Facts about the Origin of the Russian Literary Language]. Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse Sitzungsberichte, 298. Band, 5. Abhandlung; Veröffentlichungen der Kommission für Linguistik und Kommunikationsforschung, Heft 3. 52 p. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. (In German)

Izhe vo sviatykh Dionisiia Areopagita o Nebesnom Sviashchennonachalii. [Of Saint Dionysius the Areopagite Celestial Hierarchy]. 45 p. Gosudarstvennyi Istoricheskii Muzei. Simonovskoe sobranie, No. 5. (In Russian)

Kniga Blazhennago Dionisiia Areopagita k Timofeiu Episkopu o Nebesnom Sviashchennonachalii. [The Book of Beatific Dionysius the Areopagite to Bishop Timotheus about Celestial Hierarchy]. 25 p. Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, Muzeinoe sobranie, fond 178, No. 1345. (In Russian)

Nikolaeva, N. G. (2007). *Slavianskie Areopagitiki: Lingvisticheskoe issledovanie*. [Slavonic Areopagitica: Linguistic Research]. 184 p. Kazan', Kazanskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)

Sancti Dionysii Areopagitae (1857). *De Coelesti Hierarchia* [Celestial Hierarchy]. Col. 119–370. Patrologia Graeca. T. III. Paris. (In Ancient Greek)

Sviatago Dionisiia Areopagita o Nebesnoi Ierarkhii, ili Sviashchennonachalii (1786) [Of Saint Dionysius the Areopagite Celestial Hierarchy]. 107 p. Moscow, b/i. (In Russian)

Tolstoi, N. I. (1988). *Istoriia i struktura slavianskikh literaturnykh iazykov* [History and Structure of Slavic Literary Languages]. 240 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 20.02.2021

Поступила в редакцию 20.02.2021

Николаева Наталия Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский государственный медицинский
университет,
420012, Россия, Казань,
Бутлерова, 49А.
eulen@mail.ru

Nikolaeva Nataliya Gennadiievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan State Medical University,
49A Butlerov Str.,
Kazan, 420012, Russian Federation.
eulen@mail.ru